LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

FËDOR DOSTOJEVSKIJ

MEMORIE DAL SOTTOSUOLO

Записки из подполья

Traduzione nella lingua di Carlo Bini

TESTO INTEGRALE CON ORIGINALE RUSSO A FRONTE

AD VERITATEM

AD VERITATEM

Le traduzioni impossibili

Prima edizione Ad Veritatem: 2026

Fëdor Dostoevskij, Memorie dal sottosuolo (1864).
Originale russo di pubblico dominio.
Versione italiana contemporanea nella lingua di Carlo Bini:
un esperimento letterario della collana,
non una traduzione storica dello scrittore.

© 2026 Luigi Gaggero per la traduzione italiana
e gli apparati originali.
Tutti i diritti riservati sugli apporti originali.

Pubblicato sotto il marchio editoriale Ad Veritatem

adveritatem.it

ISBN 979-12-82328-59-3

INDICE

PARTE PRIMA - IL SOTTOSUOLO 6

I 6

II 12

III 16

IV 22

V 26

VI 30

VII 32

VIII 40

IX 50

X 54

XI 58

PARTE SECONDA - A PROPOSITO DELLA NEVE BAGNATA 66

I 66

II 88

III 94

IV 110

V 124

VI 132

VII 146

VIII 158

IX 174

X 184

Nota alla traduzione impossibile 194

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОДПОЛЬЕ

И автор записок и самые «Записки», разумеется, вымышлены. Тем не менее такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество. Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавнего времени. Это — один из представителей еще доживающего поколения. В этом отрывке, озаглавленном «Подполье», это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд, и как бы хочет выяснить те причины, по которым оно явилось и должно было явиться в нашей среде. В следующем отрывке придут уже настоящие «записки» этого лица о некоторых событиях его жизни. Фёдор Достоевский

I

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю наверно, что у меня болит. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я еще и суеверен до крайности; ну, хоть настолько, чтоб уважать медицину. (Я достаточно образован, чтоб не быть суеверным, но я суеверен). Нет-с, я не хочу лечиться со злости. Вот этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю.

Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторам я никак не смогу «нагадить» тем, что у них не лечусь; я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе повредю и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит!

Я уже давно так живу — лет двадцать. Теперь мне сорок. Я прежде служил, а теперь не служу. Я был злой чиновник. Я был груб и находил в этом удоволь-

PARTE PRIMA
IL SOTTOSUOLO

L'autore di queste memorie e le Memorie stesse sono, s'intende, immaginari. E nondimeno uomini come chi scrive memorie di questa sorta non solamente possono, ma debbono perfino esistere nella nostra società, se si considerano le circostanze nelle quali essa generalmente si è venuta formando. Ho voluto mettere davanti agli occhi del pubblico, un poco più in vista del consueto, uno dei caratteri d'un tempo recente e già trascorso. Costui è uno dei rappresentanti d'una generazione che vive ancora gli ultimi suoi giorni. In questo frammento, intitolato «Il sottosuolo», quest'uomo presenta se stesso e le proprie vedute, e quasi vuole chiarire le ragioni per le quali è apparso e doveva apparire fra noi. Nel frammento seguente verranno le vere e proprie «memorie» di quest'uomo sopra alcuni avvenimenti della sua vita. Fëdor Dostojevskij

I

Sono un uomo malato... Sono un uomo cattivo. Sono un uomo spiacevole. Credo d'aver male al fegato. Del resto, del mio male non capisco un'acca, e non so neppure di certo che cosa mi dolga. Non mi curo e non mi sono mai curato, benché rispetti la medicina e i medici. Per giunta sono superstizioso all'eccesso — almeno tanto da rispettare la medicina. (Ho abbastanza istruzione per non essere superstizioso; e sono superstizioso.) No, signori — non voglio curarmi per dispetto. Questo, certo, voi non vi degnerete di capirlo. Ebbene, io lo capisco.

Non saprei, s'intende, spiegarvi a chi propriamente io faccia dispetto, in questo caso, col mio dispetto; so benissimo che neppure ai medici posso «fargliela» non facendomi curare da loro; so meglio di chiunque altro che con tutto ciò farò male soltanto a me e a nessun altro. Ma tant'è: se non mi curo, è per dispetto. Mi duole il fegato? — Ebbene, che mi dolga più forte!

Vivo così da un pezzo — saranno vent'anni. Ora ne ho quaranta. Prima ero impiegato; ora non lo sono più. Ero un impiegato cattivo. Ero villano, e ci trova-

ствие. Ведь я взяток не брал, стало быть, должен же был себя хоть этим вознаградить. (Плохая острота; но я ее не вычеркну. Я ее написал, думая, что выйдет очень остро; а теперь, как увидел сам, что хотел только гнусно пофорсить, — нарочно не вычеркну!)

Когда к столу, у которого я сидел, подходили, бывало, просители за справками, — я зубами на них скрежетал и чувствовал неумолимое наслаждение, когда удавалось кого-нибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частию все был народ робкий: известно — просители. Но из фертов я особенно терпеть не мог одного офицера. Он никак не хотел покориться и омерзительно гремел саблей.

У меня с ним полтора года за эту саблю война была. Я наконец одолел. Он перестал греметь. Впрочем, это случилось еще в моей молодости. Но знаете ли, господа, в чем состоял главный пункт моей злости? Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек, что я только воробьев пугаю напрасно и себя этим тешу.

У меня пена у рта, а принесите мне какую-нибудь куколку, дайте мне чайку с сахарцем, я, пожалуй, и успокоюсь. Даже душой умилюсь, хоть уж, наверно, потом буду вам на себя скрежетать зубами и от стыда несколько месяцев страдать бессонницей. Таков уж мой обычай.

Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости наврал. Я просто баловством занимался и с просителями и с офицером, а в сущности никогда не мог сделаться злым. Я поминутно сознавал в себе много-премного самых противоположных тому элементов. Я чувствовал, что они так и кишат во мне, эти противоположные элементы. Я знал, что они всю жизнь во мне кишели и из меня вон наружу просились, но я их не пускал, не пускал, нарочно не пускал наружу.

Они мучили меня до стыда; до конвульсий меня доводили и — надоели мне наконец, как надоели! Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощенья прошу?.. Я уверен, что вам это кажется... А впрочем, уверяю вас, что мне все равно, если и кажется...

Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своем углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается

vo gusto. Io non mi lasciavo corrompere; bisognava pure che me ne ricompensassi in qualche maniera. (Cattiva arguzia; ma non la cancello. L'ho scritta credendo che riuscisse molto arguta; ora vedo da me che non volevo se non fare bassamente lo spiritoso — e apposta non la cancello!)

Quando al banco dove sedevo s'accostavano, come accadeva, i postulanti per avere informazioni — io digrignavo loro i denti e provavo un piacere spietato ogni volta che mi riusciva d'affliggerne qualcuno. Quasi sempre mi riusciva. Per lo più era gente timida: si sa — postulanti. Ma fra i bellimbusti ce n'era uno, un ufficiale, che soprattutto non potevo patire. Non voleva saperne di piegarsi, e faceva un fracasso abominevole con la sciabola.

Un anno e mezzo di guerra, io e lui, per quella sciabola! Alla fine vinsi io. Smise di far fracasso. Del resto, questo accadde quand'ero ancora giovane. Ma sapete, signori, dove stava il punto capitale della mia cattiveria? Qui stava tutta la faccenda; qui era la porcheria maggiore: che a ogni momento, anche quando avevo più bile addosso, sentivo vergognosamente dentro di me che io non ero soltanto non cattivo, ma nemmeno invelenito davvero; che non facevo altro che spaventare i passeri per nulla e divertirmi così.

Ho la schiuma alla bocca — ma portatemi una bambolina, datemi una tazza di tè con lo zucchero, e magari mi quieto. Magari mi si intenerisce anche l'anima; salvo poi, questo è certo, a digrignare i denti contro me stesso per causa vostra e a patire alcuni mesi d'insonnia dalla vergogna. Questo è il mio costume.

Ho mentito, poco fa, dicendo di me che ero un impiegato cattivo. Ho mentito per dispetto. Coi postulanti e coll'ufficiale non facevo che baloccarmi; ma in sostanza non ho mai saputo diventare cattivo. A ogni momento sentivo dentro di me una quantità — una quantità enorme — d'elementi affatto contrari. Li sentivo brulicare, proprio brulicare, quegli elementi contrari. Sapevo che avevano brulicato dentro di me tutta la vita e che chiedevano d'uscire, di venir fuori; ma io non li lasciavo, non li lasciavo — apposta non li lasciavo venir fuori.

Mi tormentavano fino alla vergogna; mi portavano alle convulsioni; e alla fine mi vennero a noia — oh, come mi vennero a noia! Non vi pare già, signori, che ora io mi penta davanti a voi di qualche cosa, che vi domandi perdono di qualche cosa?... Sono sicuro che vi pare... Del resto, vi assicuro che non me ne importa nulla, se pure vi pare...

Non ho saputo diventare cattivo; anzi, non ho saputo diventare nulla: né cattivo, né buono, né canaglia, né galantuomo, né eroe, né insetto. Ora finisco di vivere nel mio cantuccio, stuzzicandomi con questa maligna e inutile consolazione: che un uomo intelligente non può sul serio diventare qualche cosa, e che

чем-нибудь только дурак. Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель, — существом по преимуществу ограниченным.

Это сорокалетнее мое убеждение. Мне теперь сорок лет, а ведь сорок лет — это вся жизнь; ведь это самая глубокая старость. Дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живет дольше сорока лет, — отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут. Я всем старцам это в глаза скажу, всем этим почтенным старцам, всем этим сребровласым и благоухающим старцам! Всему свету в глаза скажу! Я имею право так говорить, потому что сам до шестидесяти лет доживу.

До семидесяти лет проживу! До восьмидесяти лет проживу!.. Постойте! Дайте дух перевести...

Наверно, вы думаете, господа, что я вас смешить хочу? Ошиблись и в этом. Я вовсе не такой развеселый человек, как вам кажется или как вам, может быть, кажется; впрочем, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто ж я таков именно? — то я вам отвечу: я один коллежский асессор.

Я служил, чтоб было что-нибудь есть (но единственно для этого), и когда прошлого года один из отдаленных моих родственников оставил мне шесть тысяч рублей по духовному завещанию, я тотчас же вышел в отставку и поселился у себя в углу. Я и прежде жил в этом углу, но теперь я поселился в этом углу. Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя — деревенская баба, старая, злая от глупости, и от нее к тому же всегда скверно пахнет.

Мне говорят, что климат петербургский мне становится вреден и что с моими ничтожными средствами очень дорого в Петербурге жить. Я все это знаю, лучше всех этих опытных и премудрых советчиков и покивателей знаю. Но я остаюсь в Петербурге; я не выеду из Петербурга! Я потому не выеду... Эх! да ведь это совершенно все равно — выеду я иль не выеду.

А впрочем: о чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием?

Ответ: о себе. Ну так и я буду говорить о себе.

soltanto lo sciocco diventa qualche cosa. Sì, signori: l'uomo intelligente del secolo decimonono deve ed è moralmente obbligato ad essere sopra tutto una creatura senza carattere; l'uomo di carattere, l'uomo d'azione, dev'essere sopra tutto una creatura limitata.

Questa è la mia persuasione, a quarant'anni. Ora ho quarant'anni; e quarant'anni sono tutta la vita; sono la vecchiaia più profonda. Vivere oltre i quaranta è sconveniente, volgare, immorale! Chi vive oltre i quaranta? Rispondete sinceramente, onestamente. Ve lo dirò io chi vive: gli sciocchi e i furfanti. Lo dirò in faccia a tutti i vecchi, a tutti questi rispettabili vecchi, a tutti questi vecchi dai capelli d'argento e profumati! Lo dirò in faccia al mondo intero! Ho diritto di parlare così, perché io stesso arriverò a sessant'anni.

Vivrò fino a settanta! Vivrò fino a ottanta!... Aspettate! Lasciatemi ripigliare fiato...

Probabilmente pensate, signori, che io voglia farvi ridere? Avete sbagliato anche in questo. Non sono affatto quell'uomo così allegro che vi sembro, o che forse vi sembro; del resto, se voi, irritati da tutte queste chiacchiere (e sento già che siete irritati), vi metteste a domandarmi: ma chi siete voi propriamente? — io vi risponderei: sono un assessore di collegio.

Ho servito per avere qualche cosa da mangiare (ma unicamente per questo); e quando l'anno scorso un mio lontano parente mi lasciò per testamento seimila rubli, diedi subito le dimissioni e mi stabilii nel mio cantuccio. Anche prima vivevo in questo cantuccio; ma ora mi sono stabilito in questo cantuccio. La mia camera è miserabile, brutta, all'estremità della città. La mia serva è una contadina, vecchia, cattiva per stupidità; e per giunta puzza sempre.

Mi dicono che il clima di Pietroburgo comincia a farmi male e che, coi miei poveri mezzi, vivere a Pietroburgo costa troppo. Io so tutto questo; lo so meglio di tutti questi sperimentati e sapientissimi consiglieri e tentennatori di capo. Ma io resto a Pietroburgo; non me ne andrò da Pietroburgo! Non me ne andrò perché... Eh! ma è proprio lo stesso — che me ne vada o che non me ne vada.

Del resto: di che cosa può parlare un galantuomo col maggior piacere?

Risposta: di sé. Ebbene — parlerò anch'io di me.

II

Мне теперь хочется рассказать вам, господа, желается иль не желается вам это слышать, почему я даже и насекомым не сумел сделаться. Скажу вам торжественно, что я много раз хотел сделаться насекомым. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вам, господа, что слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь. Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия и, сверх того, имеющего сугубое несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре. (Города бывают умышленные и неумышленные). Совершенно было бы довольно, например, такого сознания, которым живут все так называемые непосредственные люди и деятели. Бьюсь об заклад, вы думаете, что я пишу все это из форсу, чтоб поострить насчет деятелей, да еще из форсу дурного тона гремлю саблей, как мой офицер. Но, господа, кто же может своими же болезнями тщеславиться, да еще ими форсить?

Впрочем, что ж я? — все это делают; болезнями-то и тщеславятся, а я, пожалуй, и больше всех. Не будем спорить; мое возражение нелепо. Но все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь. Я стою на том. Оставим и это на минуту. Скажите мне вот что: отчего так бывало, что, как нарочно, в те самые, да, в те же самые минуты, в которые я наиболее способен был сознавать все тонкости «всего прекрасного и высокого», как говорили у нас когда-то, мне случалось уже не сознавать, а делать такие неприглядные деянья, такие, которые... ну да, одним словом, которые хоть и все, пожалуй, делают, но которые, как нарочно, приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавал, что их совсем бы не надо делать? Чем больше я сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком», тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней. Но главная черта была в том, что все это как будто не случайно во мне было, а как будто ему и следовало так быть. Как будто это было мое самое нормальное состояние, а отнюдь не болезнь и не порча, так что, наконец, у меня и охота прошла бороться с этой порчей. Кончилось тем, что я чуть не поверил (а может, и в самом деле поверил), что это, пожалуй, и есть нормальное мое состояние.

II

Ora mi vien voglia di raccontarvi, signori — vogliate o non vogliate ascoltarlo — perché non seppi diventare neppure un insetto. Vi dico solennemente che molte volte volli diventare un insetto. Ma non fui degno neppure di questo. Vi giuro, signori, che l'aver troppa coscienza è una malattia — una vera, compiuta malattia. Per l'uso ordinario dell'uomo sarebbe più che sufficiente la comune coscienza umana; vale a dire la metà, la quarta parte della dose che tocca in sorte all'uomo sviluppato del nostro disgraziato secolo decimonono, il quale, per giunta, ha la doppia disgrazia d'abitare a Pietroburgo, la città più astratta e più premeditata di tutto il globo terrestre. (Le città possono essere premeditate e non premeditate.) Basterebbe benissimo, per esempio, quella coscienza colla quale vivono tutti i cosiddetti uomini immediati e d'azione. Scommetto che pensate ch'io scriva tutto questo per bravata, per fare dello spirito sugli uomini d'azione, e che, per una bravata di cattivo gusto, faccia strepito di sciabola come il mio ufficiale. Ma, signori, chi può vantarsi delle proprie malattie — e per giunta farne pompa?

Ma che dico io? — Lo fanno tutti; delle malattie appunto ci si vanta, e io forse più di tutti. Non disputiamo: la mia obiezione è assurda. E nondimeno sono fermamente persuaso che non soltanto la troppa coscienza, ma perfino ogni coscienza sia una malattia. Su questo non cedo. Lasciamo anche questo per un momento. Ditemi piuttosto una cosa: perché accadeva che, quasi a bella posta, proprio in quei momenti — sì, proprio in quelli — nei quali ero più capace d'aver coscienza di tutte le sottigliezze di «tutto ciò che è bello e sublime», come si diceva una volta da noi, mi accadeva non già d'averne coscienza, ma di fare certe brutte azioni, certe azioni che... sì, insomma, che forse fanno tutti, ma che, quasi a bella posta, mi capitavano precisamente quando più chiaramente sapevo che non bisognava farle affatto? Quanto più avevo coscienza del bene e di tutto quel «bello e sublime», tanto più profondamente sprofondavo nella mia melma e tanto più ero capace d'impantanarmici del tutto. Ma il tratto principale era questo: che tutto ciò pareva avvenire in me non per caso, ma quasi perché così dovesse essere; quasi che quello fosse proprio il mio stato normale, e non già una malattia o una corruzione; tanto che alla fine mi passò perfino la voglia di lottare contro quella corruzione. Finì che quasi credetti — e forse credetti davvero — che quello fosse, in fondo, il mio stato normale.

А сперва-то, вначале-то, сколько я муки вытерпел в этой борьбе! Я не верил, чтоб так бывало с другими, и потому всю жизнь таил это про себя как секрет. Я стыдился (даже, может быть, и теперь стыжусь); до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротишь, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец — в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том. Я потому и заговорил, что мне все хочется наверно узнать: бывают ли у других такие наслаждения? Я вам объясню: наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уж сам чувствуешь, что до последней стены дошел; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что уж нет тебе выхода, что уж никогда не сделаешься другим человеком; что если б даже и оставалось еще время и вера, чтоб переделаться во что-нибудь другое, то, наверно, сам бы не захотел переделываться; а захотел бы, так и тут бы ничего не сделал, потому что на самом-то деле и переделываться-то, может быть, не во что.

А главное и конец концов, что все это происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции, прямо вытекающей из этих законов, а следственно, тут не только не переделаешься, да и просто ничего не поделаешь. Выходит, например, вследствие усиленного сознания: прав, что подлец, как будто это подлецу утешение, коль он уже сам ощущает, что он действительно подлец. Но довольно... Эх, нагородил-то, а что объяснил?.. Чем объясняется тут наслаждение? Но я объяснюсь! Я-таки доведу до конца! Я и перо затем в руки взял... Я, например, ужасно самолюбив. Я мнителен и обидчив, как горбун или карлик, но, право, бывали со мною такие минуты, что если б случилось, что мне бы дали пощечину, то, может быть, я был бы даже и этому рад. Говорю серьезно: наверно, я бы сумел отыскать и тут своего рода наслаждение, разумеется, наслаждение отчаяния, но в отчаянии-то и бывают самые жгучие наслаждения, особенно когда уж очень сильно сознаешь безвыходность своего положения. А тут при пощечине-то — да тут так и придавит сознание о том, в какую мазь тебя растерли. Главное же, как ни раскидывай, а все-таки выходит, что всегда я первый во всем виноват выхожу и, что всего обиднее, без вины виноват и, так сказать, по законам природы.

Ma da principio — oh, da principio! — quanti tormenti soffrii in questa lotta! Non credevo che agli altri accadesse lo stesso, e perciò, per tutta la vita, me lo tenni dentro come un segreto. Me ne vergognavo — forse me ne vergogno ancora —; arrivai al punto di provare un certo godimentuccio segreto, anormale, vile, nel tornare, certe volte, in una di quelle abbiettissime notti di Pietroburgo, al mio cantuccio, e nel sentire con ogni forza che anche quel giorno avevo fatto di nuovo una porcheria, che quel ch'era fatto non si poteva, ancora una volta, disfare in nessun modo; e dentro, di nascosto, rodermi, rodermi coi denti per questo, segarmi e succhiarmi, finché l'amarezza finiva per mutarsi in una certa dolcezza vergognosa, maledetta, e finalmente — in un godimento vero e proprio, serio! Sì, in godimento, in godimento! — Lo sostengo. E per questo ne ho parlato: voglio proprio sapere una volta con certezza se anche gli altri abbiano simili godimenti. Vi spiego: il godimento veniva precisamente dalla coscienza troppo viva della propria umiliazione; dal fatto che senti tu stesso d'essere arrivato all'ultimo muro; che la cosa è sudicia, ma non può essere altrimenti; che non hai più uscita; che non diventerai mai un altro uomo; che, se pure ti restassero ancora tempo e fede per rifarti in qualche altra cosa, tu stesso probabilmente non vorresti rifarti; e se anche volessi, neppure allora faresti nulla, perché, in verità, forse non c'è neppure nulla in cui rifarti.

E soprattutto, e alla fin fine, tutto ciò avviene secondo le leggi normali e fondamentali della coscienza troppo acuta e secondo l'inerzia che deriva direttamente da quelle leggi; e dunque non soltanto non puoi rifarti, ma non puoi semplicemente far nulla. Ne viene, per esempio, dalla coscienza troppo acuta: non hai colpa se sei una canaglia — come se fosse una consolazione, per una canaglia, il sentire egli stesso d'esserlo davvero. Ma basta... Eh! quanta roba ho ammucchiata, e che cosa ho spiegato?... Da che viene, qui, il godimento? Ma mi spiegherò! Arriverò pure in fondo! È per questo che ho preso la penna in mano... Io, per esempio, ho un amor proprio terribile. Sono sospettoso e permaloso come un gobbo o un nano; ma, parola mia, vi furono momenti nei quali, se mi fosse capitato di ricevere uno schiaffo, forse ne sarei stato perfino contento. Parlo sul serio: avrei sicuramente saputo trovare anche lì una specie di godimento — il godimento della disperazione, s'intende; ma nella disperazione appunto sono i godimenti più cocenti, specialmente quando senti con troppa forza che non c'è uscita dalla tua condizione. E poi, con uno schiaffo — oh! allora sì che ti schiaccia la coscienza della poltiglia in cui ti hanno ridotto. Ma il principale, rigirala come vuoi, è che viene sempre fuori che il primo colpevole di tutto sono io; e, ciò che più mi offende, colpevole senza colpa e, per così dire, secondo le leggi della natura.

Потому, во-первых, виноват, что я умнее всех, которые меня окружают. (Я постоянно считал себя умнее всех, которые меня окружают, и иногда, поверите ли, даже этого совестился. По крайней мере, я всю жизнь смотрел как-то в сторону и никогда не мог смотреть людям прямо в глаза). Потому, наконец, виноват, что если б и было во мне великодушие, то было бы только мне же муки больше от сознания всей его бесполезности. Я ведь, наверно, ничего бы не сумел сделать из моего великодушия: ни простить, потому что обидчик, может, ударил меня по законам природы, а законов природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а все-таки обидно. Наконец, если б даже я захотел быть вовсе невеликодушным, а напротив, пожелал бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни в чем никому бы не мог, потому что, наверно, не решился бы что-нибудь сделать, если б даже и мог. Отчего не решился бы? Об этом мне хочется сказать два слова особо.

III

Ведь у людей, умеющих за себя отомстить и вообще за себя постоять, — как это, например, делается? Ведь их как обхватит, положим, чувство мести, так уж ничего больше во всем их существе на это время и не останется, кроме этого чувства. Такой господин так и прет прямо к цели, как взбесившийся бык, наклонив вниз рога, и только разве стена его останавливает. (Кстати: перед стеной такие господа, то есть непосредственные люди и деятели, искренно пасуют. Для них стена — не отвод, как например для нас, людей думающих, а следственно, ничего не делающих; не предлог воротиться с дороги, предлог, в который наш брат обыкновенно и сам не верит, но которому всегда очень рад. Нет, они пасуют со всею искренностью. Стена имеет для них что-то успокоительное, нравственно-разрешающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое... Но об стене после). Ну-с, такого-то вот непосредственного человека я и считаю настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать — природа, любезно зарождая его на земле. Я тако-

Colpevole, prima di tutto, perché sono più intelligente di tutti quelli che mi stanno attorno. (Mi sono sempre creduto più intelligente di tutti quelli che mi stanno attorno; e qualche volta — lo credereste? — me ne sono perfino vergognato. Almeno, per tutta la vita ho guardato non so come altrove e non ho mai saputo guardare gli uomini diritto negli occhi.) Colpevole, finalmente, perché, se anche ci fosse stata in me della magnanimità, non ne avrei cavato che maggior tormento, per la coscienza di tutta la sua inutilità. Della mia magnanimità, infatti, non avrei saputo far nulla: né perdonare, perché forse chi mi aveva offeso mi aveva colpito secondo le leggi della natura, e le leggi della natura non si possono perdonare; né dimenticare, perché, siano pure leggi della natura, l'offesa rimane. E finalmente, se pure avessi voluto non essere affatto magnanimo, anzi vendicarmi dell'offensore, non avrei saputo vendicarmi in nulla e di nessuno, perché sicuramente non mi sarei risoluto a fare qualche cosa, quand'anche avessi potuto. Perché non mi sarei risoluto? — Di questo voglio dire due parole a parte.

III

Come fanno, dunque, gli uomini che sanno vendicarsi e, in generale, farsi valere? Appena li afferra, poniamo, il sentimento della vendetta, per quel tempo non resta in tutto il loro essere altro che quel sentimento. Un signore di questa fatta va diritto allo scopo come un toro impazzito, colle corna basse; e non lo ferma, forse, che un muro. (A proposito: davanti al muro questi signori — voglio dire gli uomini immediati e d'azione — si arrendono con tutta sincerità. Per loro il muro non è una scappatoia, come per noi, gente che pensa e dunque non fa nulla; non è un pretesto per tornare indietro, un pretesto nel quale uno della nostra razza ordinariamente non crede neppure lui, ma del quale è sempre contentissimo. No: essi si arrendono davvero. Il muro ha per loro qualche cosa che acquieta, che assolve moralmente e mette fine a tutto; forse perfino qualche cosa di mistico... Ma del muro parleremo dopo.) Ebbene, proprio quest'uomo immediato io lo tengo per l'uomo vero, normale, quale la tenera madre natura volle vederlo, mettendolo benignamente al mondo. Io lo invidio fino all'ultima goccia di fie-